

Существенным методологическим пороком статьи С. К. Шаумяна является ее антиисторизм. Вопреки указанию И. В. Сталина о том, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, а следовательно, и законов развития звуковой стороны языка, С. К. Шаумян, несмотря на то, что он посвящает специальный раздел истории фоном, рассматривает фонетические явления вне истории, а лишь синхронно. А между тем, хорошо известно, что нельзя построить теории фонемы без исследования ее истории. Марксизм несовместим с антиисторизмом.

Какой путь привел С. К. Шаумяна к ошибочным положениям? Основной прием исследования, насколько о нем можно судить по его результатам, который применяет С. К. Шаумян в своей статье, — это абстрактный конструктивизм, оторванный от реальных фактов языка. С. К. Шаумян идет не от реальных фактов к теоретическим обобщениям, а, наоборот, от произвольно сконструированных положений к искусственному подбору фактов. С. К. Шаумян резко выступает против приемов эмпирического исследования. Эмпирический анализ, являющийся с точки зрения марксистско-ленинской теории познания абсолютно необходимой предпосылкой для любого теоретического анализа, с высокомерным презрением отвергается С. К. Шаумяном. С его точки зрения, эмпирический прием является источником заблуждений и эклектизма. Так например, автор, незаслуженно превознося Трубецкого, считая его создателем фонологии и вместе с тем критикуя его позиции, объясняет его эклектизм тем, что он «не сумел окончательно порвать с эмпирическими приемами исследования» (стр. 337). Эта позиция С. К. Шаумяна находится в противоречии с учением В. И. Ленина о познании, идущем от живого созерцания к абстрактному теоретическому мышлению и от него к практике. «Чтобы понять, — писал В. И. Ленин, — нужно эмпирически начать понимание, изучение, от эмпирии подниматься к общему. Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду»⁵.

Другое дело, что нельзя останавливаться на ступени эмпирического исследования, нужно идти дальше — к теоретическим обобщениям, вскрывать закономерности, лежащие в основе этих фактов. Но отрицать эту ступень — значит проповедывать безответственное гадание по поводу возможных, но не существующих языков, с возможными, но не существующими фонемами, что и делает постоянно в своей статье С. К. Шаумян.

Вместо того чтобы дать обстоятельный анализ фактов звуковой стороны какого-либо реального языка, С. К. Шаумян предпочитает играть в предположения. «Представим себе язык, в котором у фонем [i], [e] и [æ] артикуляция становится резко открытой...» (стр. 328). И на этой несерьезной основе ведутся весьма странные рассуждения о природе фонемы: «Вполне возможны и такие языки, где фонемами являлись бы целые слоги» (стр. 331). Критикуя Трубецкого, который хотя и с неверных методологических позиций, но исходит из реальных фактов языка, С. К. Шаумян пишет: «На самом же деле можно представить себе язык, в котором такие сочетания, как [ks] должны считаться за одну фонему» (стр. 336).

Но ведь так можно представить себе все, что угодно, в том числе ангела и чорта! Но какая научная ценность этим чисто умозрительным, спекулятивным представлениям, не соотносящимся с действительностью, и что на их основе можно доказать, кроме склонности к неумеренной фантазии?

Почему С. К. Шаумян наотрез отвергает эмпирический прием исследования? Полное отрицание эмпирического приема исследования является следствием ложного понимания сущности этого приема.

Что это действительно так, подтверждается следующим примером. С. К. Шаумян на 337 странице своей статьи ссылается на положение Энгельса о том, что если данный признак является общим для целой группы явлений или предметов, то это еще не может служить доказательством, что этот признак относится к числу существенных признаков. Так, например,

⁵ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 178.